

Евгений Петрович Сергун

Доцент кафедры права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: e.p.sergun@gmail.com

**Юридикo-технический анализ состава преступления,
предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 «Организация
деятельности экстремистской организации» УК РФ**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что ст. 282.2 УК РФ отражает один из наиболее казуистичных и спорных составов преступлений, получивших закрепление в российском уголовном законе. С 2002 г. данный

уголовно-правовой запрет подвергается юрико-технической критике со стороны криминологов и специалистов в области уголовного права. Однако законодатель убежден в правильности своих взглядов и за более чем пятнадцатилетний период существования ст. 282.2 УК РФ не решился на пересмотр ее концепции. Напротив, в последние годы наблюдается расширение предмета уголовно-правового регулирования ст. 282.2 УК РФ, что только увеличивает количество остающихся без однозначных ответов научно-практических вопросов. Предмет исследования – состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 282.2 УК РФ. Цель работы – юрико-техническая оценка качества рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Методологическую основу исследования образует всеобщий метод материалистической диалектики в совокупности с базовыми общенаучными, а также частнонаучными и частноправовыми методами уголовно-правовой доктрины. Основное содержание публикации сводится к констатации главных конструктивных недостатков ст. 282.2 УК РФ. Элементы научной новизны прослеживаются в кратком обобщении автором ранее высказанных в науке суждений и изложении собственной аргументированной позиции. Результаты исследования в форме собирательного вывода о противоречии ст. 282.2 УК РФ базовым уголовно-правовым принципам адресованы в первую очередь законодателю, судебскому корпусу и научному сообществу.

Ключевые слова: экстремистская организация, преступления против основ конституционного строя, экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, антиэкстремистское законодательство, юридическая техника уголовно-правовых норм, качество уголовного закона, избыточность уголовно-правового регулирования.

Evgenij Petrovich Sergun

Associate Professor of the Law, Philosophy, and Sociology Department, Gorno-Altai State University, Candidate of Juridical Science, Associate Professor

Legal-technical analysis of the crime under Part 1 of Article 282.2 “Organization of activities of an extremist organization” of the Criminal Code of the Russian Federation

Annotation: *relevance of the article is caused by the fact that article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation reflects the body of crime which is one of the most disputable and lacking general rules in Russian criminal law. Since 2002 this criminal legal forbiddance has been undergone jural-technical criticism of criminologists and professionals in the criminal law area. However, the legislator is convinced of the correctness of his views and for more than fifteen years of the existence of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation he did not dare to revise the concept. On the contrary, in recent years there has been an expansion of the subject of criminal law regulation of art. 282.2 of the Criminal Code, which only increases the number of scientific and practical issues that remain unclear. The subject of the study is the crime under Part 1 of Art. 282.2 of the Criminal Code. The purpose of the work is to give legal and technical evaluation of the quality of the questioned criminal law. The methodological basis of the research is formed by the universal method of materialistic dialectics in conjunction with the basic general scientific, as well as private scientific and private-law methods of criminal law doctrine. The general substance of the publication is reduced to a statement of the main constructive disadvantages of art. 282.2 of the Criminal Code. Elements of scientific novelty are realized*

via the author's brief generalization of the judgments previously expressed in the scientific knowledge and via the presentation of the author's own justified position. The results of the study shaped in a generalized conclusion about the contradiction of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to basic criminal law principles. The results are primarily addressed to the legislator, the judiciary and the scientific community.

Keywords: *extremist organization, crimes against foundations of constitutional order, extremism, extremism activities, countering extremism, anti-extremist legislation, legal technique of criminal law, the quality of criminal law, redundancy of criminal law regulation.*

В уголовно-правовой доктрине неоднократно акцентировалось внимание на том, что отечественные парламентарии не принимают во внимание, с одной стороны, выраженную пробельность уголовного законодательства в области охраны основ конституционного строя Российской Федерации от экстремистских посягательств, а с другой — отчетливую избыточность уголовного-правового регулирования¹. Подобные ситуации обуславливают установление нерациональных и даже отрицательно воздействующих на формирование правосознания граждан юридических запретов. Рассмотрим отдельную группу научно-практических вопросов современного уголовного правотворчества на примере ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

Отмеченная уголовно-правовая норма не относится к последним законодательным нововведениям. Ее появление было сопряжено с принятием Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² (далее — ФЗ «О... деятельности»), который впервые в истории отечественного законодательства включил в юридический лексикон термин «экстремистская организация». Примечательно, что за более чем пятнадцатилетний срок своего существования рассматриваемый состав преступления не претерпел концептуальных изменений, но при этом был и продолжает оставаться в числе наиболее спорных результатов современной российской уголовно-правовой политики.

В научной литературе часто встречается точка зрения, согласно которой ч. 1 ст. 282.2 УК РФ выступает специальной нормой (точнее, квалифицированным составом преступления) применительно к ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» УК РФ³. Данное суждение склоняет к правильности правотворческого вывода о том, что родовым объектом уголовно наказуемых посягательств, описанных в ст. 282.2 УК РФ, выступает государственная власть (разд. X УК РФ). Исходя из этого различие в видовом объекте указанных составов преступлений (с одной стороны, это основы конституционного строя и безопасность государства (ст. 282.2 УК РФ),

¹ См., напр.: *Рарог А. И.* Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 2. С. 108.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

³ См., напр.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В. П. Верин, С. А. Ворожцов, В. В. Демидов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 655; *Халиков М. И.* Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2008. № 2. С. 215.

с другой — в широком смысле правосудие (ст. 315 УК РФ)) можно объяснить мысленной перестановкой основного непосредственного объекта ст. 315 УК РФ на место дополнительного непосредственного объекта ст. 282.2 УК РФ. Однако приведенная цепочка рассуждений содержит слабые звенья.

Во-первых, преступлению, предусмотренному ст. 315 УК РФ, присущи квалификационные признаки, не являющиеся атрибутами деяния по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ. В их числе: а) «злостность» неисполнения судебного акта (оценочный критерий, получивший неоднозначное толкование в теории и судебной практике¹); б) альтернативное действие в форме воспрепятствования исполнению судебного акта специальным субъектом по ч. 1 ст. 315 УК РФ, т. е. лицом, подвергшимся административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 «Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ); в) специальный субъект по ч. 2 ст. 315 УК РФ, порождающий научные дискуссии² (в частности «служащий организации», отнесение к которому считаем некорректным, например, представителя религиозной группы, осуществляющей деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица).

Во-вторых, не все ученые соглашаются с производностью ч. 1 ст. 282.2 УК РФ от ст. 315 УК РФ. К примеру, М. Г. Левандовская рассматривает ст. 282.2 УК РФ в качестве специальной нормы по отношению к ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» УК РФ³. Смелым выглядит мнение С. В. Помазан, полагающей, что ст. 210 УК РФ выступает общей нормой относительно ст. 282.2 УК РФ⁴. Однако больше озадачил Верховный Суд РФ, который в п. 21 Постановления Пленума от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁵ (далее — ППВС РФ) поднял вопрос о разграничении ст. 282.2 УК РФ и ст. 20.28 КоАП РФ «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности» (размещена в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» КоАП РФ), ничего не сказав об очевидно конкурирующих со ст. 282.2 УК РФ уголовно-правовых запретах (ст. 239, 315 УК РФ и др.).

В связи с этим предмет правового регулирования ст. 282.2 УК РФ до сих пор остается расплывчатым, а реализованное намерение законодателя — неуточненным.

¹ См., напр.: *Тугутов Б. А.* Злостность как элемент состава преступления // *ГлаголЪ правосудия.* 2016. № 2. С. 43.

² См.: *Висков Н. В.* Некоторые вопросы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 5, Юриспруденция. 2010. Т. 5, № 2. С. 123.

³ См.: *Левандовская М. Г.* Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации // *Lex Russica.* 2005. Т. LXIV, № 2. С. 315.

⁴ См.: *Помазан С. В.* Уголовная ответственность за организованные формы преступной (экстремистской, террористической) деятельности // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 10. С. 100.

⁵ См.: *Российская газета.* 2011. 4 июля.

Нельзя признать лексически верным название ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности... организации», равно как и близкую по смыслу формулировку, использованную в диспозиции ч. 1. Причем этому имеется не столько лингвистическое (по причине наличия тавтологического сочетания слов), сколько правовое обоснование: выражаясь обобщенно, всякая *организация* есть сознательная *деятельность* людей, скоординированная для достижения каких-либо общих целей. Например, «религиозной организацией» признается «добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица» (п. 1 ст. 8 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ (далее — ФЗ «О свободе совести...»). Следовательно, религиозной организации уже присущ признак *организованности*. Ее членов связывает активный, сплоченный, направленный поведенческий процесс. Отсюда возникает естественный, но остающийся без ответа вопрос: что конкретно надлежит понимать под «организацией деятельности» такого религиозного объединения?

В контексте «организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации...» законодатель не обозначил пределы уголовно-правового толкования термина «иная организация». Словосочетание «общественное или религиозное объединение» и без того достаточно объемное по своему юридическому содержанию. Так, в соответствии с п. 2 ст. 6 ФЗ «О свободе совести...» религиозные объединения подразделяются на религиозные группы и религиозные организации. Согласно ст. 7 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»² общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: а) общественная организация; б) общественное движение; в) общественный фонд; г) общественное учреждение; д) орган общественной самодеятельности; е) политическая партия. По мнению И. С. Макеевой, к «иным организациям» в данном случае следует относить коммерческие и некоммерческие организации³. Однако такая интерпретация представляется чрезмерно растяжимой и не способствующей экономии уголовной репрессии.

Дефиниция понятия «экстремистская организация», интегрированная в диспозицию ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, не называет в формально-логическом смысле уголовно-правовых (квалификационных, идентифицирующих) признаков рассматриваемой формы криминального объединения⁴.

В соответствии с п. 2 ст. 1 ФЗ «О... деятельности» под «экстремистской организацией» понимается «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

³ См.: Макеева И. С. Организация деятельности экстремистской организации // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 240.

⁴ См., напр.: Иванов Н. Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5. С. 48.

настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности». Однако это определение тоже лишено правовой конкретики.

Более того, уместность формулировки «по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом» вызывает сомнения по двум причинам: 1) основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом (ст. 8 УК РФ); 2) спорно рассматривать ФЗ «О... деятельности» в качестве источника уголовно-процессуального права, (потому что, во-первых, порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹, во-вторых, ФЗ «О... деятельности» не упоминается в науке в числе специальных федеральных законов, получивших статус дополнительных источников уголовно-процессуального права, а именно: а) отражающих отдельные институты уголовно-процессуального права; б) регулирующих уголовно-процессуальную деятельность отдельных государственных органов; в) регулирующих статус отдельных участников уголовного процесса; г) регулирующих вопросы доказывания и доказательств (доказательственного права); д) регулирующих статус лиц, в отношении которых установлен особый порядок судопроизводства (лиц, обладающих неприкосновенностью в уголовном процессе)².

По распространенному мнению, в частности С. А. Балеева, «общественная опасность организации деятельности экстремистской организации состоит не столько в том, что не исполняется вступившее в силу судебное решение, а прежде всего в силу продолжения экстремистской деятельности такого объединения»³. Однако согласно ч. 2 ст. 9 ФЗ «О... деятельности» факт осуществления общественным или религиозным объединением либо иной организацией экстремистской деятельности не является единственным основанием для ликвидации соответствующего объединения и запрета его деятельности. Отмеченные юридические последствия могут наступить также вследствие выявления фактов, свидетельствующих о наличии в деятельности общественного формирования (в том числе в деятельности хотя бы одного из его региональных или других структурных подразделений) «признаков экстремизма» (абз. 1 ст. 7 ФЗ «О... деятельности»), семантическое значение которых законодатель не раскрывает, и вынесения прокурором или уполномоченным федеральным органом исполнительной власти соответствующего *предупреждения*.

Заметим, что в уголовном праве неоднократно акцентировалось внимание на том обстоятельстве, что ФЗ «О... деятельности», выражаясь словами А. В. Петрянина, «не содержит признаков экстремизма, а лишь определяет запрещенную экстремистскую деятельность»⁴. На наш взгляд, в п. 1 ст. 1

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

² См., напр.: *Латыпов В. С.* Уголовно-процессуальное право: понятие, источники и нормы. Лекция // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 10. С. 136–137.

³ *Балеев С. А.* Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2010. № 1. С. 38.

⁴ *Петрянин А. В.* Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2014. № 3. С. 137.

ФЗ «О... деятельности» отсутствуют дефиниции обоих понятий («экстремизм» и «экстремистская деятельность»), потому что законодатель ограничился перечислением разных по своей юридической природе действий без указания на объединяющие их свойства. Более того, если допустить, что под «признаками экстремизма» подразумеваются поведенческие акты, отмеченные в п. 1 ст. 1 ФЗ «О... деятельности» (в частности, «насильственное изменение основ конституционного строя», «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» и др.), то станет непонятной целесообразность вынесения указанного предупреждения в случаях, когда налицо признаки состава преступления и основание для возбуждения уголовного дела. Если же под «признаками экстремизма» имеются в виду отдельные признаки административно или уголовно наказуемого деяния при отсутствии его юридического состава, то абз. 4 ст. 7 ФЗ «О... деятельности», согласно которому факт судебного необжалования предупреждения служит одним из оснований для ликвидации общественного или религиозного объединения, выглядит неконституционным.

На практике «экстремистская деятельность» конкретного объединения часто ограничивается обнародованием либо изготовлением или хранением в целях массового распространения его членами «экстремистских материалов» (абз. 11 п. 1 ст. 1 ФЗ «О... деятельности»). Однако следует констатировать, что в действительности разрешение вопроса отнесения тех или иных источников информации к «экстремистским материалам» во многом выходит за рамки профессиональной компетенции юристов. Судьи выполняют скорее роль процессуальных арбитров, в то время как судьбоносное значение при рассмотрении данной категории дел имеют результаты психолингвистических, религиоведческих (проблемы проведения которых отражены, например, И. В. Загребиной¹) и прочих судебных экспертиз.

Действующее «антиэкстремистское» законодательство не исключает возможности признания социальной группы, не представляющей реальной общественной опасности и не преследующей достижение антиконституционных (т. е. антигуманистических, антидемократических) целей, «экстремистской организацией» (достаточно вспомнить громкий судебный процесс, проходивший в период с 12 августа 2011 г. по 21 марта 2012 г. в г. Томске, об отнесении к экстремистским материалам главного кришнаитского канонического текста «Бхагавад-гита как она есть», который без косвенного вмешательства политиков мог закончиться объявлением всех действующих на территории России индуистских организаций «экстремистскими»²).

Не ясно, чем отличаются от «экстремистского сообщества» (ст. 282.1 УК РФ), к примеру, политическая партия или религиозная организация (либо объединение, сочетающее в себе как политические, так и религиозные идейные компоненты), когда они начинают целенаправленно осуществлять уголовно наказуемую экстремистскую деятельность. В этой ситуации нами не усматривается никакой надуманной «экстремистской организации». Подобные

¹ См.: Загребина И. В. От невежества к мнимому экстремизму: проблемы религиоведческой экспертизы в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 159.

² См.: Тимощук А. С., Филькин К. Н. Казус суда над Бхагавад-гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4. С. 178.

устойчивые и обладающие определенным организационно-структурным механизмом объединения одновременно трансформируются в «экстремистское сообщество» либо, при отсутствии всех признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, в иную подходящую форму организованного соучастия (допустим, банду — ст. 209 УК РФ, преступное сообщество — ст. 210 УК РФ, некоммерческую организацию, посягающую на личность и права граждан, — ст. 239 УК РФ).

Воздержавшись от разъяснений по этому поводу, Верховный Суд РФ ограничился тезисом о том, что при совершении организатором (руководителем) или участником экстремистской организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 282.2 УК РФ и соответствующей статьей УК РФ (абз. 3 п. 20 ППВС РФ). В связи с этим некоторые ученые соглашались с возможностью возникновения совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282.1 и 282.2 УК РФ (судебная практика тоже идет по такому пути)¹.

Вышеизложенное делает невозможным основательное уяснение иных составов преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ. Например, по мнению Верховного Суда РФ, «под участием в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.)» (абз. 2 п. 20 ППВС РФ). Однако продолжение или возобновление деятельности запрещенной (ликвидированной) организации *де-юре* может не предполагать осуществление подлинно экстремистской деятельности *де-факто*. По-видимому, Верховный Суд РФ рекомендует применять тот же алгоритм квалификации преступления, что и в отношении ст. 315 УК РФ, не учитывая специфику объекта посягательств и субъективной стороны деяний, описанных в ст. 282.2 УК РФ. Более того, приведенное судебное толкование не устраняет конкуренцию ч. 1 и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, наличие которой обсуждается в научной среде².

Как подытожил В. В. Лунеев, «даже специалисту очень трудно разобраться в законодательстве об экстремизме, а ведь законы предназначены для обычных граждан и не очень грамотных сотрудников системы уголовной юстиции. Законодотворцы, видимо, не знали мудрых выражений великих: “Надлежит законы и указы писать ясно, чтобы их не перетолковывать. Правды в людях мало, а коварства много. Под них такие же подкопы чинят, как и под фортецию» (Петр Великий)»³.

Нами изложены не все проблемы юридико-технического характера, вызванные необдуманной криминализацией так называемой «организации

¹ См., напр.: Ермакова О. В. Организация экстремистской организации: вопросы квалификации и отграничения от смежных составов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 108.

² См., напр.: Карлин А. Б., Плаксина Т. А. Некоторые проблемы применения ст. 282.2 УК РФ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 101–102.

³ Лунеев В. В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3. С. 24.

деятельности экстремистской организации». Но, полагаем, проведенный анализ позволяет сделать достоверный вывод о том, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный ч. 1 ст. 282.2 УК РФ:

а) расходится с принципом вины (ч. 2 ст. 5 УК РФ), поскольку допускает возможность объективного вменения факта осуществления экстремистской деятельности гражданам, не преследующим экстремистских целей. Так, 20 апреля 2017 г. Верховный Суд РФ удовлетворил иск Министерства юстиции РФ о признании Управленческого центра «Свидетели Иеговы» в России «экстремистской организацией». «Налицо неоднократное применение антиэкстремистского законодательства по отношению к верующим, которых невозможно заподозрить в причастности к деятельности, наносящей ущерб безопасности государства и общества»¹, — утверждает А. Д. Эпштейн;

б) противоречит принципу справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), потому что общественная опасность данного деяния в известных случаях носит умозрительный характер, в то время как санкция недвусмысленно свидетельствует о тяжком преступлении;

в) не соответствует представлениям об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), т. к. признаки указанного состава преступления не конкретизированы законодателем и вызывают научную полемику.

Таким образом, разработка ст. 282.2 УК РФ была сопряжена с существенными отступлениями от доктринальных правил конструирования составов преступлений.

Пристайный библиографический список

1. Балеев, С. А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 36–39.

2. Верин, В. П. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В. П. Верин, С. А. Ворожцов, В. В. Демидов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. — М.: Норма, 2005. — 928 с.

3. Висков, Н. В. Некоторые вопросы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. — 2010. — Т. 5, № 2. — С. 123–126.

4. Ермакова, О. В. Организация экстремистской организации: вопросы квалификации и отграничения от смежных составов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2015. — № 1. — С. 107–108.

5. Загребина, И. В. От невежества к мнимому экстремизму: проблемы религиозно-экспертной в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2013. — № 2. — С. 159–176.

References

1. Baleev, S. A. *Otvetstvennost' za organizatsiyu i uchastie v ehkstremitstskom soobshchestve i ehkstremitstskoj organizatsii po UK RF* // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. [Responsibility for organization and

¹ *Эпштейн А. Д.* Борьба с экстремизмом и проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания в многоконфессиональной России // *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова*. Сер.: История и политология. 2012. № 1. С. 94.

participation in extremism community and extremist organization according to the Criminal Code of the Russian Federation // Herald of Kazan Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. – 2010. – № 1. – P. 36–39.

2. Ermakova, O. V. Organizaciya ehkstremitstskoj organizacii: voprosy kvalifikacii i otgranicheniya ot smezhnyh sostavov // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. [Organization of extremist organization: issues of classification and delimitation from crimes of the neighbor kind of bodies // Herald of Barnaul Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. – 2015. – № 1. – P. 107–108.

3. Verin, V. P. Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniyu UK RF [Scientific practical manual for the use of Criminal Code of the Russian Federation] / V. P. Verin, S. A. Vorozhcov, V. V. Demidov [i dr.] ; pod red. V. M. Lebedeva. – M. : Norma, 2005. – 928 p.

4. Viskov, N. V. Nekotorye voprosy opredeleniya sub"ekta prestupleniya, predusmotrennogo st. 315 UK RF // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: YUrisprudenciya. [Several issues of determination of object of a crime under art. 315 of the Criminal Code of the Russian Federation // Herald of Volgograd state university. Sector 5: Jurisprudence]. – 2010. – T. 5, № 2. – P. 123–126.

5. Zagrebina, I. V. Ot nevezhestva k mnimomu ehkstremitizmu: problemy religiovedcheskoj ehkspertizy v Rossii // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. [From barbarism to imaginary extremism: problems of religious expertise in Russia]. – 2013. – № 2. – P. 159–176.